

ОТЗЫВ

**члена диссертационного совета,
утвержденного приказом ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет» от 13.03.2017 № 2053/1, доктора
юридических наук, доцента Стойко Николая Геннадьевича на
диссертацию Назарова Александра Дмитриевича на тему
«Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный
механизм их устранения: концептуальные основы», представленную к
защите на соискание ученой степени доктора юридических наук**

1. Актуальность темы диссертационного исследования.

Тема исследования является чрезвычайно актуальной, что объясняется несколькими, на наш взгляд, очевидными причинами.

Первое. Обращение к теме в целом обусловлено тем вызовом, который в настоящее время бросает современному обществу, государству и правам человека криминал. Данные статистики и криминологических исследований (применительно к России) приведенные соискателем убедительно свидетельствуют об этом (с. 3-4). Следовательно, внимание к следственным и судебным ошибкам, препятствующим борьбе с криминалом (в том числе, быстрому и полному раскрытию преступлений и изобличению всех виновных в уголовном процессе), а, значит, и к механизму их устранения, более чем оправдано.

Второе. Фундаментальным условием борьбы с преступностью (защиты от преступлений) с помощью уголовно-процессуальных средств является соблюдение общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, исключение произвольного (не законного и не справедливого) их ограничения (относительно распространенного по данным официальной статистики и исследования автора диссертации). Следовательно, и по этой причине внимание к следственным и судебным ошибкам, влекущим такие ограничения, и к механизму их устранения, более чем необходимо.

Третье. Успех правовой реформы российского уголовного процесса напрямую зависит от того, насколько в нем и с помощью его удастся или не удастся соблюсти баланс интересов защиты общества, государства и

конкретных людей от преступлений и интересов защиты прав и свобод человека и гражданина от произвола. В свою очередь, поддержание этого баланса напрямую зависит от силы или слабости уголовно-процессуальных властей, индикатором которых служат уровень и распространенность тех или иных следственных и судебных ошибок. Вот почему в сфере уголовного судопроизводства следует уделять особое внимание механизму устранения следственных и судебных ошибок, его адекватности современным вызовам и угрозам со стороны преступности, чувствительности к правам и свободам личности (как с точки зрения разделения процессуальных властей, их правового положения, взаимозависимости и взаимодействия, так и с точки зрения организационно-правового обеспечения их деятельности).

Четвертое. Практическая неизбежность совершения и потребность сведения к минимуму числа следственных и судебных ошибок обнаруживают себя как проблема, настоятельно требующая своего изучения на концептуальном уровне. Понятно, что разрешение обозначенной проблемы на практическом уровне невозможно без теоретического построения уголовно-процессуального механизма устранения соответствующих ошибок.

2. Новизна диссертационного исследования.

Новизна проведенного А.Д. Назаровым исследования определяется тем, что впервые в юридической науке уголовный процесс был представлен, теоретически осмыслен как единый механизм выявления, устранения и предупреждения следственных и судебных ошибок. Хотя автор безусловно опирался на многочисленные работы других ученых, никто из них не изучал весь комплекс ошибок, допускаемых на протяжении всего судопроизводства (исследовались отдельные ошибки, группы ошибок, ошибки в отдельных стадиях уголовного процесса). Никто до соискателя не изучал и механизма их выявления, устранения и предупреждения. Причем соискатель, по сути, ввел в уголовно-

процессуальную науку новое понятие (термин встречался и ранее в отдельных работах), посвятив этому специальную главу. Отталкиваясь от хорошо известного в теории (классического) определения механизма государства, А.Д. Назарову удалось совершенно по-новому (в концептуальном отношении) раскрыть (а не просто перенести по аналогии) его компоненты применительно к уголовно-процессуальному (организационно-правовому) механизму выявления, устранения и предупреждения следственных и судебных ошибок. В результате с учетом глубоко авторского концептуального анализа и понимания феномена ошибки и ее видов уже на понятийном уровне были выделены конкретные механизмы их выявления, устранения и предупреждения: 1) контрольно-надзорный механизм по устранению ошибок в досудебном производстве и механизм устранения ошибок в судебном производстве (основные); 2) принятие процессуальных решений и оценка допустимости доказательств как механизм самопроверки и механизм содействия адвоката и иных негосударственных участников процесса выявлению и устранению ошибок (вспомогательные). В дальнейшем концептуальная обоснованность выделения основных механизмов нашла подтверждение применительно к конкретным субъектам, этапам, стадиям уголовного процесса с точки зрения их (механизмов) необходимости, качества правового регулирования и реализации. В оригинальных аналитических характеристиках была воплощена общая теоретическая картина (концептуальные основы) механизма выявления, устранения и предупреждения следственных и судебных ошибок (и ключевых понятий) и, тем самым, окончательно раскрыта («развернута») ее научная новизна.

3. Степень обоснованности и достоверности положений, выдвинутых на защиту.

Научная новизна (определенная нами в общем виде выше) предпринятого А.Д. Назаровым диссертационного исследования ярко отражается в 17 основных положениях, выдвинутых на защиту (с. 9-19).

Каждое из этих положений и все вместе взятые четко корреспондирует цели и задачам исследования, образуя систему, задающую структуру работы, а также определяющую (и выражающую) ее содержание, подчиненное общей логике обоснования.

Шесть первых положений обосновываются в главе первой диссертации «Ошибки как феномен уголовно-процессуальной деятельности» (с. 21-130). Центральным среди них (положение № 1) является определение следственной и судебной ошибки как феномена, «который выражается в противоречии между неизбежностью (естественностью) ошибок и необходимостью противодействия им и, тем самым, порождает проблему их устранимости» (с. 9). По своей сути это концептуальное определение, данное впервые (ранее в уголовно-процессуальной науке таким образом ошибку не определяли). Оно дополняется операциональным определением; ошибка - это «не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства, и объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения)» (с. 9-10).

Оба эти определения основаны на тщательном анализе большого количества теоретических источников и задают общую концептуальную и предметную рамку работы. Кроме того, они подтверждены путем описания основных элементов авторской концепции (положение № 2), проведения

классификации ошибок (положение № 3), выделения нового вида ошибок – фундаментальных (положение № 4), характеристики структуры ошибок (положение № 5) и причин их совершения (положение № 6). Учитывая взаимосвязь всех вышеназванных положений (а также использование эмпирических данных), можно сказать, что все они достаточно хорошо обоснованы и достоверны.

Седьмое и восьмое положения обосновываются в главе второй «Уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок: понятие и структура» (с. 131-156).

В положении № 7 (с. 12) впервые в науке уголовно-процессуального права дается описание идеальной модели уголовно-процессуального механизма устранения ошибок. Основанная на общетеоретических представлениях, эта модель, представленная в структурных компонентах, в дальнейшем используется соискателем для теоретического построения конкретных уголовно-процессуальных механизмов (по стадиям и субъектам), то есть является в контексте диссертации «рабочей» моделью. В этом смысле данное положение обосновано и достоверно. Завершается данное положение разделяемым нами предложением поставить в один ряд с классическими уголовно-процессуальными целями специальную цель, содержательно определяющую и объединяющую «весь уголовно-процессуальный механизм или отдельные его части (механизмы) – выявление, исправление, предупреждение следственных и судебных ошибок» (с. 12).

В положении № 8 (с. 12-13) формулируется произведенное автором деление на основные механизмы, непосредственно направленные на устранение ошибок, и вспомогательные механизмы, способствующие устранению ошибок. Основанное на ранее выделенной идеальной модели и развернутое в дальнейшем в конкретных характеристиках отдельных механизмов устранения ошибок, такое деление представляется

теоретически оправданным и в достаточной мере обоснованным и достоверным.

Девятое, десятое, одиннадцатое и двенадцатое положения (с. 13-17) обосновываются в главе третьей «Основные компоненты механизма устранения ошибок в стадии предварительного расследования» (с. 157-234).

Положение № 9 (с. 13-14) является модельным описанием механизма контрольно-надзорной деятельности в стадии предварительного расследования в признаках, редко встречающихся в уголовно-процессуальной литературе вообще и не встречающихся применительно к контрольно-надзорной деятельности. По мнению автора, эти признаки выражаются в:

«- распределении между судебными органами, органами прокуратуры и органами дознания и следствия функционально однородных для каждого из этих органов контрольно-надзорных полномочий: по судебному контролю, прокурорскому надзору и ведомственному (по сути, внутриведомственному) контролю соответственно;

- взаимозависимости и взаимодополняемости судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля (в функциональном и предметном отношении);

- процессуальной самостоятельности осуществления контрольно-надзорных полномочий: полной – судом, относительно полной – прокуратурой и органами следствия, ограниченной – органами дознания» (с. 13-14).

На наш взгляд, выделение перечисленных признаков вытекает из широкого российского и зарубежного законодательного контекста (соответствующих законоположений и их научных описаний, приводимых в диссертации) и потому обосновано. При этом все признаки находят свое подтверждение в характеристиках конкретных механизмов устранения

ошибок на современном российском правовом материале и потому их выделение достоверно. В данной связи представляется обоснованным и достоверным и формулируемый впервые в юридической литературе сравнительно-правовой вывод соискателя (дополняющий оцениваемое положение) о существовании российского вида технического построения досудебного производства (наряду с немецким и французским), и, следовательно, о наличии соответствующего ему специфически российского механизма устранения ошибок (с. 14).

Положения № 10, 11 и 12 (с. 14-17) также являются обоснованными и достоверными, поскольку исходят из общего для них модельного подхода, подтверждаются критическим анализом научной литературы, законодательства и практики. Причем разработанные А.Д. Назаровым авторские модели «динамичного судебного контроля», «перманентного прокурорского надзора» и «разнополярного ведомственного контроля», изложенные в названных положениях и отличающиеся новизной, заслуживают поддержки. В особенности это касается последней модели, в которую, помимо хорошо известного процессуального ведомственного контроля, включается так называемый «иной ведомственный контроль». Думается, что подобный «выход» за строго правовые процессуальные рамки вполне оправдан и обоснован практической взаимосвязью этих видов контроля, а также хорошо аргументированными в работе конкретными характеристиками названной модели.

Тринадцатое, четырнадцатое, пятнадцатое, шестнадцатое и семнадцатое положения (с.17-19) обосновываются в главе четвертой «Основные компоненты судебного механизма устранения ошибок в судебных стадиях уголовного процесса (с. 235-287).

В положении № 13 (с. 17) формулируются общие и особенные признаки механизма устранения ошибок в судебных стадиях вообще (в том числе в сравнительно-правовом подходе) и предлагается его развитие в рамках четырех моделей: «активного суда первой инстанции»,

«полноценной апелляции», «полноценной кассации и надзора», «полноценного следственного производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам». Выделение этих моделей и, следовательно, разделение судебного механизма устранения ошибок на четыре отдельных механизма обосновано качественным анализом используемых автором источников и опорой на избранный им концептуальный подход. Достоверность подтверждается в дальнейшем на уровне конкретных характеристик перечисленных моделей.

Положения № 14, 15, 16 и 17 (с. 18-19) раскрывают вышеназванные модели в их характерных признаках. Критический анализ широкого круга литературных источников, использование эмпирических данных, а также соответствие полученных характеристик общему концептуальному и модельному подходу, позволяют сделать вывод об обоснованности и достоверности этих положений.

В завершение, оценивая все вынесенные А.Д. Назаровым на защиту положения, хотелось бы особо подчеркнуть, что их обоснованность и достоверность в целом (несмотря на очевидную концептуальность) подтверждается не только «чисто» научными источниками (560), но и весьма значительным массивом эмпирических исследований, результаты которых изложены в отдельном томе и использованы в диссертации. Соискателем были изучены ежегодные статистические отчеты о результатах работы органов предварительного расследования, прокуратуры и суда (по России и регионам, начиная с 2010 года) и 510 архивных уголовных дел по различным категориям преступлений, проведено анкетирование (в 2003-2016 годах в восьми субъектах федерации на уровне района, города и региона) 187 судей, 218 прокуроров, 254 руководителей следственных органов и следователей, 305 адвокатов, а также взяты интервью у 16 опытных судей судов уровня субъекта Федерации.

4. Выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации.

Все сделанные в работе выводы и сформулированные предложения (рекомендации) можно оценить, как обоснованные и достоверные, поскольку они вытекают из общей логики исследования и не противоречат положениям, выдвинутым на защиту. В концентрированном виде они представлены в заключении (с. 288-305). Остановимся на тех из них, которые не являются воспроизведением основных положений диссертации.

Во-первых, следует согласиться с выводом автора о том, что при определении феномена ошибок в уголовном процессе (и понятия уголовно-процессуальной ошибки) речь должна идти о таких нарушениях законности, которые официально констатированы (юридически признаны) в процессуальных документах субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу (с. 289, 290). Дело заключается не только в том, что как любой ученый, А.Д. Назаров был вправе ограничить предмет своего исследования (например, не рассматривать преступные или технические нарушения). Равным образом – и не только в том, что «в научном исследовании субъективный подход в констатации ошибки в уголовном деле должен преломляться через официальную версию ошибки, констатированной соответствующим процессуальным решением» (с. 289). Это важно с точки зрения обеспечения объективности исследования и достижения планируемых результатов. Однако дело еще заключается и в другом – рассмотрение ошибок в ином подходе (например, как ошибки в мышлении, выразившиеся в нарушениях закона) требуют проведения неюридического исследования.

Во-вторых, нужно признать верным и следующий вывод: «Разумный баланс между уголовно-политическими стратегиями обвинения и защиты позволяет выполнить назначение уголовного судопроизводства, не нарушая при этом принципа законности и минимизируя ошибки со стороны лиц, ведущих уголовный процесс» (с. 294). Сделанный с позиций

стратегического подхода, данный вывод представляется весьма важным для всего диссертационного исследования, поскольку ясно обозначает уголовно-политическую сторону, контекст и значение созданных (теоретически сконструированных) соискателем моделей механизма устранения ошибок. Можно даже сказать, что проведенная в работе концептуализация является одновременно доктринально-правовой и уголовно-политической.

В-третьих, заслуживает поддержки и вывод о необходимости, наряду с развитием судебного контроля, усиливать прокурорский надзор за предварительным расследованием (с. 296), в том числе путем введения первоначального санкционирования прокурором «следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ, с возможностью последующего обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ решений прокурора по этим вопросам» (с. 297). Очевидно, что нельзя отказываться от отечественных правовых традиций, к числу которых относится прокурорский надзор, бездумно следуя в русле «чужих» традиций. Это чревато негативными последствиями для практики, на что уже обращали внимание в литературе, говоря о риске юридической декультурации.

В плане усиления действенности судебного контроля представляются в целом вполне оправданными предложения соискателя внести изменения и/или дополнения в ст. 97, 99, 108 УПК РФ (например, предоставить суду при избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу полномочие изучать материалы уголовного дела и др.) (с. 298-299), а также дополнить ст. 63 УПК РФ запретом судье, если он на предварительном расследовании санкционировал заключение под стражу, продление сроков содержания под стражей или домашний арест, участвовать в дальнейшем в рассмотрении того же дела по существу в суде первой и второй инстанций или в порядке кассации и надзора (с. 299), дабы избежать возникновения хотя бы малейшего предубеждения.

Вместе с тем, не со всеми выводами и предложениями, содержащимися в диссертации можно согласиться, а некоторые из них вступают в противоречие друг с другом.

Так, на с. 293 работы формулируется верный вывод о том, что уголовно-политические стратегии уголовного преследования и защиты прав и свобод человека и гражданина «являются важными элементами согласованной уголовной политики», а на с. 294 утверждается, что в состав последней из названных стратегий включается защита со стороны лиц, ведущих уголовный процесс. Что же тогда включается в состав первой стратегии, если уголовное преследование согласно ст. 6 УПК РФ соответствует назначению уголовного процесса?

Большие сомнения вызывает предложение автора полностью институционализировать (в перспективе) или организационно обособить (в настоящее время) функцию судебного контроля (с. 197, 297-298). Не понятно, зачем это делать? Если в целях более глубокой специализации, то она возможна в рамках существующих судебных институтов. Если с целью исключить влияние со стороны других членов судейского корпуса, то это вряд ли достижимо таким способом (при его наличии). Ведь единственной гарантией, позволяющей избежать подобного влияния, является подлинная независимость судей. Быть может будет достаточно тех изменений и дополнений, которые были нами уже рассмотрены выше? Быть может также не случайно соискатель не включил вывод о перспективности полной институционализации (тщательно аргументированный в работе) в число итоговых?

Не совсем понятно также, почему соискатель выступает за сохранение кассации и надзора (хотя и в преобразованном виде), если полагает, что сосуществование функционально однородных кассации и надзора, носит временный характер (с. 302)?

В работе встречаются и другие суждения, вызывающие определенные замечания. Однако эти суждения носят частный характер и

не влияют на общую высокую положительную оценку диссертационного исследования (как и приведенные выше критикуемые выводы и предложения, имеющие дискуссионный характер).

5. Значимость результатов, полученных в диссертации, для науки и практики.

Значение полученных диссертантом результатов для науки определяются их новизной, обоснованностью и достоверностью. Оно состоит в том, что автор диссертации:

- разработал цельную концепцию механизма выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве, решив комплекс связанных созданием концепции проблем;
- сконструировал теоретические (идеальные) модели общего и конкретных механизмов выявления, устранения и предупреждения следственных и судебных ошибок, выступающие в качестве концептуальных основ для преобразования российского уголовного процесса;
- внес ряд ценных предложений по изменению действующего законодательства.

Значение полученных соискателем результатов для практики определяется прикладностью разработанных им концепции и моделей и состоит в том, что все выдвинутые им на защиту положения, а также выводы и рекомендации так или иначе направлены на совершенствование правового регулирования и правоприменения. Они могут служить адекватным актуальной ситуации доктринальным ориентиром при разработке уголовно-процессуальной политики, проектировании законов и даже учитываться при осуществлении (и организации) производства по конкретным уголовным делам.

6. Апробация и оформление диссертации.

Оформление работы нареканий не вызывает. Полученные результаты опубликованы в 6 монографиях, 1 учебном пособии и в 51 научной статье, включая 18 статей в журналах из перечня ВАК РФ.

7. Выводы.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- Представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук диссертация «Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы» является завершенной, самостоятельной научно-квалификационной работой монографического уровня, соответствующей научной специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.
- Соискатель поставил и разрешил крупную научную проблему, высокой степени социальной и правовой значимости, лично разработав целостную концепцию уголовно-процессуального механизма устранения следственных и судебных ошибок.
- Результаты диссертационного исследования внесли существенный вклад в развитие науки уголовного процесса, выражены в системе теоретических положений, отличающихся большой научной новизной, теоретической и практической ценностью.
- Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени доктора наук, установленным Правительством Российской Федерации в соответствии с пунктом 2.1 и абзацем третьим пункта 3 статьи 4 Федерального закона от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) в ч.1 п.9, п.10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 №842 (ред. Постановлений Правительства РФ от 21.04.2016 №335, от 02.08.2016 №335, от 02.08.2016 №748), и воспроизведенным (установленным)

на основании абзаца третьего пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23.08.1996 №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» в п.9, 10, 11 Порядка присуждения в Санкт-Петербургском государственном университете ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, утвержденного приказом СПбГУ от 01.09.2016 №6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете».

- Автор диссертации Александр Дмитриевич Назаров достоин присуждения ему искомой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

Член диссертационного совета:
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики СПбГУ,
доктор юридических наук, доцент
Стойко

Николай Геннадьевич

5 июня 2017 года

n.stoiko@spbu.ru
+7 (911) 7244374